

Виталий Куренной

Формирование профессиональной философии после Гегеля

8 октября 2009 года, Рига, Куренной Виталий Анатольевич.

Тема семинара — «Формирование профессиональной философии после Гегеля»

В. Куренной: Спасибо большое приглашающей стороне за предоставленную возможность провести несколько дней в городе Риге.

Давайте я задам очень простой вопрос, это мне поможет стартовать. Я буду говорить о философии после Гегеля и формировании современных моделей философского знания. Давайте набросаем список философов, которых мы знаем после Гегеля в хронологическом порядке. Все слушатели знают: Карл Маркс, Шопенгауэр, Фейербах, Ницше, неокантианцы, Шеллинг, Гуссерль. Обратите внимание на следующую смешную вещь: первые пять фигур, которые мы перечислили, это все философы не университетские либо имели отношение к университету очень непродолжительный период — либо во время обучения, или как краткую попытку пытаться преподавать, как Шопенгауэр, который объявил один раз курс лекций, Фейербах, Маркс вообще не преподавали. Фейербах чуть-чуть преподавал, потом был лишен преподавания, у Шопенгауэра была одна попытка преподавать в университете, но он сразу бросил это дело, Ницше преподавал недолго и оставил филологию.

Появляются университетские фигуры: Дильтей, неокантианцы. Обращаю ваше внимание, что эта ситуация, которую мы только что обрисовали — она совершенно стандартная. То есть для любого контекста, в России, в Германии — совершенно одинакова. Обратите внимание, что из этой хронологии выпадает большой кусок, связанный с университетской философией. То есть Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель — потом провал, потом университетские философы появляются только в конце XIX века. А все, что между ними, это, как говорил Макс Шелер, *Sonderligen* — чудачки. Они в разной степени критиковали университетскую философию. Шопенгауэр был уверен, что существует заговор университетских профессоров против него, а Карл Маркс и Фридрих Энгельс говорили, что университетской философии пришел конец, и наконец рождается новая пролетарская наука и так далее и тому подобное. А Ницше — довольно сложная фигура. Когда он опубликовал свою крупную работу, лекцию «Рождение трагедии из духа музыки», Виламовиц в своей рецензии писал, что если он будет в таком духе продолжать, то пора покинуть стены университета, что в ближайшее время тот и сделал. Я буду говорить про то, что было между Гегелем и концом XIX и началом XX века, когда зарождаются современные модели философского знания — неокантианского несколько пораньше, феноменология плюс Дильтей,

которых в основном и воспринимаем как предтечу современной философии. Почему такая странная история? Почему в университетской философии нет заметных фигур после Гегеля? Что там происходило?

А происходило так, мой тезис первый.

После Гегеля мы имеем дело с фундаментальным кризисом идентичности философии. И фактически большую часть XIX века занимали очень энергичные попытки преодолеть и выработать тот модус существования, который позволил бы философии сохраниться в рамках современного института знания как немецкого университета. Можно, конечно, сказать и более широко, что кризис этой самой идентичности никогда не прекращался после Гегеля и продолжается по настоящее время. Но все же я считаю, что в XIX веке был сформулирован неизвестными нам пока людьми ряд образцовых программ исследовательских, которым в основном и следует современная философия. Это есть те модели современной философии, которые мы сегодня имеем. Что это за модели, я их перечислю.

Первое, философия как теория науки. Второе — философия как история философии. Третья — философия как методология гуманитарного знания, и еще одна попытка очень важная, но, к сожалению, не удавшаяся, а на самом деле в XIX веке она занимает, пожалуй, одно из ключевых мест, но тем не менее была отброшена как несостоявшаяся. Это так называемый психологизм, то есть попытка восстановить философию в полном объеме на основании исследования человеческого психики. Чтобы понять, в чем заключается содержательное существо кризиса самоидентификации, давайте вспомним основные особенности немецкой классической философии, потому что немецкая классическая философия, в общем-то, наследует некоторые черты классической метафизики — это последняя попытка создать систему, хотя и на новых идеалистических основаниях. Там есть три особенности, из которых надо понять, в чем состоит кризис. Первая особенность немецкого абсолютного идеализма — противоположности совпадают в абсолюте. Вторая особенность в том, что мир в своей основе идеален, то есть он является духом.

Есть еще одна очень важная особенность, уже четвертая. Дело в том, что немецкий абсолютный идеализм, он исходил из того, что в итоге именно философия легитимирует прочные научные знания, то есть философия

определяет, что есть наука, а что есть не наука. В послегегелевский период какие изменения мы имеем? Во-первых, предметом философской рефлексии перестает быть возможным идеальное как таковое, в гегелевском смысле это, к сожалению, невозможно. Второе, философия перестает быть системой, мы не знаем ни одной философской системы после Гегеля за исключением советского диамата, который претендовал на то, что было системной философией. Кроме того, философия больше не дает санкции, она не легитимирует прочные научные знания — философия не определяет, что является наукой, а что нет. Более того, ставится под вопрос сам статус философии. Является ли философия научным знанием? Но это грубые абстрактные определения, давайте пока про них забудем, и я вернусь к Гегелю. Маленькое историческое пояснение. Есть такое историко-философское понятие — крах гегелевской философии, гегелевская философия не пережила своего автора. Возникает вопрос: как так получается? — та система, которую мы считаем наивысшей, не пережила своего автора? То есть сразу после смерти Гегеля начинается война диадочов за гегелевское наследство, появляются левые гегельянцы, неуниверситетские... есть правые гегельянцы. Появляется просто политическая проблема, которая завершается тем, что вызывают Шеллинга искоренять гегельянство и так далее. Кроме того, к концу XIX века имя Гегеля становится в научной немецкой среде просто ругательным, то есть оно себя настолько дезавуировало, что гегелевская философия является образцом пустой антинаучной спекуляции — это результат развития немецкой профессиональной философии в XIX веке. Что происходит? Я возвращаюсь к этому вопросу про системность. Гегелевская система — это последняя попытка интегрировать все существующее знание в рамки философской системы, исходя из философской системы сказать, что такое есть знание, что есть наука, где есть граница науки и так далее.

Почему крах? Там есть несколько составляющих. Во-первых, это критика естествоиспытателей, то есть Гегель стал посмешищем со своими естественнонаучными гипотезами по поводу законов притяжения, по поводу того, что ньютоновская физика неадекватно описывает явления даже в рамках солнечной системы. Кант к этому времени был во многом забыт. Возрождение Канта происходит только в 60-е — 70-е годы, то есть тогда, когда появляются неокантианцы. Была критика гегелевской системы со стороны естествоиспытателей. На самом деле мощнейшая критика гегелевской системы происходила внутри университетской философии, и тут я подхожу к первой фигуре и к первой программе — философия как теория науки. Автором этой программы является Адольф Тренделенбург — непосредственный наследник Гегеля в Берлине, то есть человек, который принял кафедру Гегеля в Берлине, является автором программы философии как теории, это первый момент. Второй момент, что Тренделенбург является автором наиболее развернутой академической гегелевской критики философии. Фактически восприем-

ник Гегеля в Берлине уничтожает критическим образом гегелевскую философию, то есть он не оставляет камня на камне. В чем состоит критика Гегеля? Напомню только одну вещь. Помните, в марксизме был такой тезис — марксизм отбросил систему Гегеля и сохранил метод Гегеля. Тренделенбург доказал, что невозможно отделить систему и метод от систематического исследования, где очень последовательно говорится, что система и метод Гегеля не могут быть разделены. Это первое. Второй момент. Тренделенбург интересен как не просто критикующий Гегеля, но и как диагностирующий проблемность, проблемный характер философии. Если мы откроем логические исследования... (кстати, перевод работ на русский язык появился в 1868 году, а эта работа была переведена на русский язык очень давно, сразу после своего 2-го издания. Первое издание — 1841 год. Одна из немногих работ, переведенных сразу же). Если мы откроем, мы прочитаем, с чего начинается Тренделенбург? Он говорит: в настоящее время статус философии — это лишь феномен культурной истории, *Kulturgeschichte*, это просто нечто такое, что интересует людей — есть живопись, есть танцы, есть философия. Научный статус философии утерян, в чем причина, что статус философии утерян? — это война философских систем. Немецкая философия зашла в тупик (он не называет имен), и каждый выступает со своей окончательной системой. Каждая из этих систем претендует на новизну. Он описывает немецкий абсолютный идеализм и Канта. Канта, потому что Кант тоже претендовал на абсолютную новизну и законченность в том, что касается основных философских вопросов. Поэтому, он говорит, мы должны сделать следующий шаг. Мы должны исходить из того, что философия не может быть сразу же рождена как система. Но если она рождается, она явно неадекватна. Она вызывает критику со стороны естественнонаучного знания. Поэтому, говорит Тренделенбург, чем должна заниматься философия? Конечно, философия должна претендовать на то, чтобы схватывать мир в целом, но она должна осуществлять это схватывание, работая на основе существующего научного знания. Ее предметом должна быть реконструкция мира в целом исходя из тех частных данных, которые дает нам научное знание с точки зрения своего предмета, философия должна интересоваться методами других наук. То есть философия должна спрашивать не о мире, но она должна интересоваться о мире через призму других наук. Там есть вопрос предмета мира, есть проблема метода. С точки зрения предмета философия и частные науки имеют дело с миром. Философия пытается взглянуть на целое через частные науки, которые смотрят на целое через свой предмет. Но философия должна взглянуть на мир при своей реконструкции мира как на целое, опираться на эти предметные ракурсы частных наук. А что касается метода — философия должна интересоваться методом других наук, как бы эксплицировать их, не предлагать свой собственный метод, а эксплицировать метод, который используют другие науки. То есть ее предметом в первую очередь должны стать другие науки. В этом смысле и в этой работе как бы формулируется это заявление — фи-

лософия должна стать теорией науки. Здесь происходит то переопределение, которое в страшном сне не могло присниться ни Декарту, ни Канту, ни Гегелю, ни тем более Платону. Имеется в виду, что философия не напрямую имеет доступ к миру, а опосредованно частными науками, то есть мы должны сконцентрироваться, чтобы изучать, как познают другие науки частные и смотреть, к каким результатам они приходят. Исходя из этого, пытаться строить философию как взгляд более целостный на мир.

А. Романов: Это тот самый Тренделенбург, который был учителем Brentano?

В. Куренной: Совершенно верно. И не только Brentano, его слушал Кьеркегор, у него учился Дильтей, весь немецкий позитивизм берет начало у него, это центральная фигура где-то с середины XIX века в Германии. Потому что он, во-первых, занимает кафедру в Берлине, это центральная позиция в академической иерархии немецкой. И во-вторых, именно через него проходит гигантское число последующих мыслителей. И Brentano, и Дильтей, даже Кьеркегор слушал его лекции, он не только Гегеля застаёт, но и Тренделенбурга. Потому что Тренделенбург — это же ученик Гегеля.

А. Романов: А верно ли, что он что-то новое в комментариях к Аристотелю создал?

В. Куренной: Дело в том, что Тренделенбург стоит у начала истории философии как историк философии. Но здесь я говорю про его основную систематическую работу «Логические исследования», в которых появляется представление о том, что философия должна работать в первую очередь не со своим предметом, не с какой-то метафизической или идеальной предметностью, а она должна работать с методом и предметами других наук. Потому что попытка работать напрямую с миром заканчивается неудачей, заканчивается дискредитацией философии в научной университетской среде. Философия имеет свой предмет. Для немецких идеалистов этот предмет — абсолют. Что такое абсолют? Абсолют это дух. Философская система — это и есть конкретизация этого абсолюта в форме философской системы.

А. Романов: Это все идет с Канта или позже?

В. Куренной: Все-таки мы проводим различие между Кантом и немецкими абсолютными идеалистами, есть ряд принципов, по которым отличают Канта от немецких идеалистов. У Канта сохраняется инстанция под названием вещь сама по себе как некоторый принцип данности, у идеалистов она снимается, у Канта есть жесткое различие между теоретическим и практическим разумом, у всех немецких идеалистов это различие снимается, то есть оппозиция практическому разуму.

А. Романов: А Тренделенбург к Канту не обращался для возвращения к истокам?

В. Куренной: Тренделенбург, он чем интересен? Дело в том, что он является автором лозунга «назад к...». Такого тоже в философии никогда не было за исключением периода Возрождения, там «назад к...», но не в том смысле. Именно Тренделенбург является автором формулы «назад к...», но назад не к Канту, потому что неокантианцы потом заимствуют его формулу, а он говорит: давайте вернемся назад к Аристотелю и Платону. Но Тренделенбург безусловно аристотелик. Он в меньшей степени платоник, а в большей степени аристотелик. От Тренделенбурга идет линия Brentano и немецкого аристотелизма. Brentano — это аристотелизм. Затем аристотелизм через Гуссерля входит в немецких феноменологов. Тренделенбург — это первый автор, который предпринял критическое издание Аристотеля. Он первый издал трактат Аристотеля «О душе» как критическое издание в современном смысле. Поэтому Тренделенбург является человеком, который предложил философам издавать работы классиков. Это его первая работа — издание Аристотеля на греческом с комментариями. Он первый делает критическое издание классика. Это была первая модель, которая ответила на кризис самоидентификации после Гегеля — это Адольф Тренделенбург и главная его работа «Логические исследования» первого издания, 1842 год, где он предпринимает систематическую критику Гегеля и вводит набросок идеи философии как теории науки. Философия занимается не миром, но должна обращаться к анализу других наук — сделать своим предметом не метафизическую или идеальную предметность, а сделать своим предметом предметы и методы других наук. Я не буду комментировать, как эта идея развивается, но затем ее подхватывают неокантианцы, а затем в XX веке мы имеем гигантское поле исследования под названием теория или философия науки в лице венцев, в лице Поппера всем известного. Именно ученики Тренделенбурга являются немецкими позитивистами второй волны. В первую очередь это Лаас, Авенариус каким-то образом с ним соприкасается, но Эрнст Лаас — это фигура, менее известная, чем Мах и Авенариус, но как систематический позитивист является очень важным. То есть не обязательно позитивисты... имеются в виду все авторы, предметом рефлексии которых является наука. Например Кун, чем он занимается? Предметом его анализа является исследование науки, история науки. Или современные Science and Technology Studies, что является предметом их исследования? Предметом их исследования являются другие науки. Понятно, что все это изменяется, но важнейшая революция состоит в чем? Философия уже не изучает мир, но изучает то, как этот мир изучают другие науки.

А. Романов: Но добирается ли через другие науки до своей философии?

В. Куренной: Но дальше какая была штука? Тренделенбург — пограничная фигура. У него была идея того, что философия смотрит, как мир видят другие науки, затем определенным образом суммирует и синтезирует в единое целое. Вот эта линия достигает своей кульмина-

ции у Вильгельма Вундта, то есть опять же центральная фигура немецкой университетской философии второй половины XIX века. Вот это представление о том, что философия суммирует данные других наук и создает некоторое единое целое, через Вундта она попадает, просачивается в нашу советскую философию. Потому что идея того, что есть философия химии, физики и прочее прочее, затем суммируется в некоторое единое целое — это отсюда идея идет. То есть идея, что философия не напрямую анализирует мир как идеальное или как метафизическое целое, а опирается на данные других наук. Это присутствие Триенделенбурга получает систематическое завершение у Вильгельма Вундта. Вундт, если мы посмотрим на то, как он представляет себе философию... то есть философ есть мыслитель, который смотрит, что появилось в других науках и на этом основании некоторый труд выдает, где все это он в целом резюмирует.

А. Романов: А для чего ему все это надо?

В. Куренной: А потому что обращаться к миру... я еще раз повторю, первый тезис — кризис самоидентификации. Философия в своих попытках работать с миром напрямую потерпела крах.

Д. Мацнев: Который манифестировал Ницше как «Бог умер»...

В. Куренной: Это уже позже... Давайте я просто воспроизведу другого мыслителя, чтобы вам было понятно. Работа 1832 года, она сдана в печать, когда Гегель был жив, называется «Кант и задачи нашего времени», автор ее — тоже никому неизвестный сейчас мыслитель, а на мой взгляд интереснейший человек — Фридрих Эдуард Бенике. Это тот человек, который, Шопенгауэр считал, стоял во главе заговора университетских философов против него. Кстати, по настоянию Гегеля Бенике однажды лишали права преподавания, отзывали на краткий срок, а потом возвращали. Фридрих Эдуард Бенике удивительнейшая фигура. Во-первых, он был героем войны с Наполеоном, во-вторых, он автор программы под названием «психологизм». То есть Бенике — это человек, который создал программу, которая в конце XIX века оккупирует все философское поле — то, с чем борется Гуссерль, с чем борется Фреге, и в XX веке философия изживает из себя «психологизм», но в XIX веке он процветает. Он пишет работу «Кант и задачи нашего времени». Я объясню, в чем состоит дискредитация философии. Он говорит: философия в настоящее время полностью, в том виде, в каком она развивалась в Германии начиная с Канта, потеряла всякий авторитет и всякую значимость, она превратилась в сорт очень спорной литературы. Что представляет собой поле философского знания? Это набор выскочек, каждый из которой претендует на то, что он открыл истину в последней инстанции. Ничего кроме улыбок и смеха у серьезных ученых такого рода претензии не вызывают. А каждый из этих людей, который заявляет, что он открыл истину в последней инстанции...

безусловно, мы имеем дело с Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем, не могут договориться с собой ни по одному вопросу. Каждая из этих систем исключает другую. Кроме того, если мы посмотрим на то, как развивались... сравним, как развиваются другие науки. И науки развиваются совсем не так, а посмотрим на то, что происходит с системой периодической печати. Любой философский журнал выходит в виде одного или двух номеров, а потом прекращает свое существование. Каждый из этих журналов представляет мнение своей собственной школы. А кроме того есть еще гигантская порочность всей линии, он говорит, что Кант в этом виноват, что после Канта на немецкий язык практически не переводятся философские работы с иностранных языков, что философская работа в других странах движется совсем иным образом. Кстати, Бенике является первым популяризатором позитивизма в Германии, именно он транслирует первые работы Канта на немецкий язык. И далее он анализирует, почему в этом виновата именно философия Канта. Кант, он говорит, это беда, это немецкий идеализм, это просто посмешище. Это полное посмешище для университетского научного знания, это просто диагноз проблемы. Он анализирует, почему Кант оказался все-таки у истока печального исхода развития немецкой классической философии. Это диагноз 1832 года, что представляет из себя философия в поле профессионального университетского знания. Она представляет из себя просто какой-то набор, выражаясь современным языком, фриков со своими системами, которые претендуют на абсолютность и окончательность.

А. Романов: Но, Виталий, ведь до этого 30 лет эта философия всем нравилась, а потом вдруг перестала нравиться...

В. Куренной: Нет, почему... нет.

Д. Мацнев: Как я понимаю, на фоне достижений естественных наук, которые действительно показывают результат, и философия, которая переливает из пустого в порожнее вместо того, чтобы электричество изобретать.

В. Куренной: Это все далеко не так однозначно. Мы можем разбираться с университетскими карьерами, я могу вам напомнить, как эта карьера выглядела у Фихте. Он преподает в Йене, затем его Гете просто увольняет и он некоторое время безработный «бичует»... После этого, когда начинается война с Наполеоном, он вдруг становится националистом... Поппер, который, кстати, терпеть не мог Фихте, он прекрасно проанализировал переписку, полистайте «Открытое общество и его враги» и вы увидите, как Поппер говорит: но это же удивительно, как Фихте становится националистом и приобретает жуткую популярность в Берлине, читает свои лекции, речи к немецкой нации. Они же все сильно поменяли свои взгляды, у всех есть период ранний и поздний. Есть ранний Фихте, поздний Фихте, который радикально различался. Есть ранний Шеллинг и поздний Шеллинг, который радикально различается. Есть Гегель вообще загадочный, который, когда

он издает газету, он страшный сторонник французской революции, а когда он перебирается в Берлин... Кстати говоря, благодаря чиновничьему покровительству, потому что университетские люди, например Шлейермахер, были очень против Гегеля, а Гегель получает назначение в Берлин решением бюрократическим, а не по академическим стандартам. Там все не так однозначно. Я напомним, что Гегель продолжает упорствовать в нелепой критике ньютонианства... Потому что его диссертация посвящена этому, но он ничтоже сумняшеся повторяет в «Феноменологии духа» всю эту критику. А вот его учение, кстати, является предметом насмешек. А насмехается кто? Гельмгольц, то есть гордость немецкой науки, для них это реальное посмешище. Я еще раз говорю: немецкая философия, с которой мы сейчас имеем дело... говорят, что она великая... она не воспринимается таковой в 1832 году. Это просто сборище, позорящих философию...

Д. Мацнев: Позор немецкой нации...

В. Куренной: Конечно.

А. Беляев: В чем заключается критика гегелевского идеализма в этой книжке?

В. Куренной: Бенике... Он там критикует только Канта, он там Канта рассматривает как источник этих проблем. Я формулирую это следующим образом — сложился коммуникативный коллапс, что собственно диагностирует и Бенике, а до этого, я говорил, Тренделенбург. Что они диагностируют? Что в философии коммуникативно нет той системы выяснения истины, как в других науках.

А. Беляев: А как это связано с немецким идеализмом?

В. Куренной: Немецкий идеализм представляет собой набор самостоятельных систем, каждую из которой построил какой-то автор, и каждый автор утверждает, что его система является последним словом, является истинной в абсолютной инстанции. И ни одна из этих систем не может договориться, они взаимоисключают друг друга, и каждая претендует на абсолютную истинность. То есть с точки зрения тех процессов коммуникативных, которые наблюдатель видит в других науках, эта ситуация абсолютно ненормальная. Это говорит о том, что мы не имеем дело с научным познанием мира. Конфликт системотворчества порождает именно немецкие идеалисты. Я напомним, с чего начинается «Критика чистого разума». Кант говорит: я хочу положить конец спору систем. Кантовская «Критика чистого разума» начиналась с того, что Кант хотел бы окончательно разрешить спор рационалистов и эмпириков. Ситуация спора систем, как ясно всем и Канту, есть неприемлемая ситуация, то есть она говорит, что мы имеем дело не с научным знанием, мы имеем дело... я напомним, что Европа пережила религиозные столкновения. Если сталкиваются системы мировоззренческие, то это не наука. Наука и была нужна, чтобы

снять этот конфликт и научиться достигать консенсуса в определенных вопросах. Если философия не обнаруживает такого рода процедуру, если она представляет собой конфликт систем, следовательно, она дискредитирует свой научный характер. Следовательно, возникает вопрос, имеет ли она отношение к науке. Следовательно, возникает вопрос, может ли она существовать в рамках немецкого университета. Потому что университет — это место, где развивается наука. То есть вы можете за пределами университета заниматься чем угодно, это никого не волнует. Но это проблема профессиональной философии. Поэтому моя тема — профессиональная философия, то есть формирование основных типов этой философии. Потому что формирование шло именно в этих рамках, потому что там создавалось напряжение. Все, я возвращаюсь к нашей теме.

А. Романов: Последнее уточнение... По Бенике это была просто плохая философия или не философия вообще, а философия есть нечто другое?

В. Куренной: Конечно, он предлагает позитивную программу. Он вскрывает основания, почему это происходит. Он говорит: Кант прав в том, что он правильно описал в соответствии с основной линией развития новоевропейской философии характер нашего познания внешнего мира. Кант сделал одну ошибку — он не описал эпистемологический статус своего анализа сознания. Когда мы читаем «Критику чистого разума», мы понимаем, как функционирует познание внешнего мира, мы понимаем, что применительно к внутреннему миру у нас есть такие же ограничения, что и по отношению к внешнему миру, но мы не знаем статус построения самого Канта. Когда Кант говорит: есть форма чувственности, а есть форма рассудка, априорно он производит различие — есть априорные формы чувственности, есть априорные формы рассудка. Что это такое? Откуда Кант это позаимствовал? Где статус этого различия? Возникает вопрос.

Д. Мацнев: Из собственного мышления...

В. Куренной: Дело в том, что Кант воспрещает рациональную психологию. Наше самонаблюдение — это феноменальное самонаблюдение, мы не можем иметь дело с собой как с вещью самой по себе. Если это так, то, следовательно, это самонаблюдение является конструкцией, производной таким же образом, как феноменально сконструированный внешний мир. Но Кант не описывает механизма конструирования. Если это так, то надо описать, как получается это различие. Но Кант-то претендует на то, что его аналитика является окончательной. Если она является окончательной, следовательно, она является аналитикой в последней инстанции, это то, как обстоят дела на самом деле. Мы можем разные гипотезы выдвигать, но статус не определен. Поэтому, говорит Бенике, что сделали немецкие идеалисты? Они воспользовались этим неопределенным статусом и присвоили вот этой самой рефлексии абсолютный характер. Что такое абсо-

лю? Абсолют это то, что я нахожу как момент самосознания духа. Из того, что я нахожу абсолют как момент самосознания духа, я фиксирую некоторую структуру абсолюта, которая затем разворачивается по-разному, но разворачивается в абсолютную систему. Коль скоро мой статус самопознания имеет статус абсолюта в каком-то смысле, в виде самосознания, в таком случае получается — я имею доступ к развертыванию абсолютной системы знаний. Вот в чем ошибка. То есть для Бенике это не так. Он говорит: никакого абсолютного схватывания там быть не может. И в чем состоит программа психологизма? Он говорит: если мы полагаем, что философский вопрос связан с нашим сознанием, то есть так или иначе связан с рефлексией, то тогда давайте иметь дело с нашим сознанием так же, как науки о внешнем мире имеют дело с феноменами внешнего мира. То есть мы будем заниматься эмпирическим описанием функционирования нашего сознания. И Бенике вводит целый набор понятий, которые потом у Brentano всплывают, у Husserl и прочее, прочее.

Д. Мацнев: Но образцом этой критики, насколько я понимаю, является вот это естественнонаучное знание... Оно вот объясняет, как из кислорода и водорода получается вода, а Кант не предъясвляет этого механизма.

В. Куренной: Конечно! Наиболее правильно будет сказать, что характер коммуникации, который фиксируют философы применительно к естественным наукам, не совпадает с характером коммуникации в философии. Это является самым главным аргументом, который любой в этот момент предъясвляет философии. Если в естественных науках мы имеем взаимодействие и кумулятивное накопление знаний, то есть мы имеем дело с процедурами, которые позволяют какие-то вопросы отбросить, какие-то принять, то в философии мы не имеем такого рода процедуры. А это означает, что мы не имеем дело с коммуникацией по образцу научному. Естественно, в голове держится образец естествознания и понятно, какого — математизированного естествознания. Возвращаясь к Бенике... Исходя из этого диагноза он говорит: хорошо, вы говорите, что философия связана с сознанием, с духом. Давайте тогда не будем изобретать абсолют, как Гегель, Фихте и Шеллинг, которые не могут с собой договориться, давайте использовать процедуру ту же, что и естествоиспытатели, давайте заниматься опытом нашего сознания. И есть вторая великая фигура, которая позволяет понять, как эта программа психологизма работает — это Герbart, он более известен как педагог. Вся современная педагогика основывается на нем.

А. Романов: И в истории психологии он назван основателем психологии как таковой... Brentano здесь немножко в стороне.

В. Куренной: Ну да... Я не привез... но я недавно издал его психологические работы и написал к ним большое предисловие. Очень жаль, что про него помнят

одни педагоги, а философы про него забыли. Потому что Герbart — ученик Фихте, он даже постарше Бенике. Бенике — хороший пример. Почему? Потому что у него ясно выстроенная критика. У Герbart латентная критика, но очень четкая, Герbart отказывается полностью от трансцендентальной свободы, от всех ключевых базовых идей немецкого идеализма, а поскольку он учился у Фихте, для него критический оппонент — всегда Фихте. И Герbart предлагает совершенно потрясающую модель, психологическую на тот момент: коль скоро философия имеет дело с духом, имеет дело с сознанием, значит, она имеет дело с психикой. Давайте построим психологию как нормальную науку. И Герbart говорит: давайте работать, как в физике. Что это означает? Мы должны построить психологию по образцу математизированного естествознания, то есть предложить формулы, которые описывают функционирование психики. И Герbart... просто потрясающая штука, его работы по психологии напичканы математическими формулами, в которых он... я напомним, Герbart — это человек, у которого уже есть различие сознания и бессознательного, есть вытеснение, то есть половина аппарата фрейдовского психоанализа — это герbartовский аппарат. Эта вся динамическая модель сознания и бессознания, вытеснение одних представлений в сферу бессознательного и всплывание других — это герbartовская модель. Но он для описания этой модели предлагал математические формулы. То есть это была героическая попытка создавать философию как психологию, более того — психологию, поставленную на основании математического аппарата. А как вы думаете, почему ни черта не получалось? Потому что не было никакой возможности применять методы квантифицирующие. То есть только когда Фехнер открывает свой закон, это уже первая успешная попытка квантифицировать психологические наблюдения. То есть когда мы можем поставить интенсивность ощущения в зависимость от фиксируемой объективно интенсивности воздействия — это закон Фехнера. Это самый главный закон Фехнера. После этого появляется психология как наука. Эти все спекуляции, Герbart и Бенике... они все искренно хотят исследовать психику по образцу естествознания. Но они не могут. Потому что там нет ни одного способа зафиксировать количественные показатели.

А. Беляев: Но ведь тогда психика и сознание не одно и то же? Как же можно согласно этому закону их отождествлять?

В. Куренной: Когда Гегель пишет о духе, он не имеет в виду психику. Он имеет в виду следующую вещь, что мы зафиксировали в нашем сознании некоторый момент, момент абсолюта, который открыл нам доступ к некоторому универсальному механизму развертывания абсолютного духа. Для него психика — это некоторый частный момент большой истории духа, но в то же время нужно понимать, что такое феноменология духа. Там параллельна большая история духа и история развития человеческой психики. Онто и филогенез там параллеле-

лены. Их статус ясно не определен: абсолютный дух — это не психика, хотя в то же время мы можем знать что-то об абсолютном духе, только обращаясь в конечном итоге к некоторой модели нашей психики.

А. Романов: То есть термин «психологизм» это термин Бенике?

В. Куренной: Термин «психологизм» поздний, он появляется в 70-е годы у Бена Эрдмана, это неокантианец, психологист, то есть термин позднего происхождения. В данном случае программа психологизма, как она звучит? — мы можем поставить и решить те философские вопросы, которые не смогла решить предшествующая философия, опираясь на эмпирическое исследование психики. Эмпирическое в данном случае понимается до появления Фехнера как интроспективное. То есть мы будем описывать свое сознание.

А. Романов: А Вундт изобретает этот термин интроспекция...

В. Куренной: Я точной справки не могу дать... Речь идет об описании индивидуальной, своей психики. Пока нет экспериментального метода, люди описывают свою психику. А экспериментальный метод, напомню, условия его возможности появляются вместе с Фехнером, а первая лаборатория — это начало 70-х годов XIX века.

А. Беляев: А у кого она была?

В. Куренной: Это Вильгельм Вундт... Это рождение психологии как дисциплины. Тогда дисциплинарно и локализуется такой объект. До этого нельзя говорить о психике. В этом смысле эти слова являются частью такой философской психологии, где психология не выделена как отдельная дисциплина, она погружена в контекст философских размышлений. И понятно, что Канта можно прочесть (значительную часть «Критики чистого разума») как некоторую философскую психологию. О чем он говорит? О способностях и приводит классификацию этих способностей. А известно, что классификацию этих способностей он заимствует из работ Тетанса, из работ тех его современников, которые занимались просто психологией. Он просто берет это и помещает в другой контекст. Поэтому существует психологическая интерпретация Канта, к которой первые из неокантианцев и прибегли, например, автор «Истории материализма» Ланге. Итак, психологизм Бенике... — я ввожу вторую фигуру, про которую в историко-философском каноне никто ничего не знает, про нее не говорят, хотя мыслитель центральный. Я потом еще остановлюсь подробнее на том, почему мы не знаем этих мыслителей.

Следующее... Философия как теория науки, философия как психологизм. На самом деле тема психологизма гигантская. Для того, чтобы раскрыть содержание становления, развития философии как профессиональной

дисциплины в XIX веке, мы должны очень внимательно смотреть за развитием психологизма. Там изначально конкурируют в первой половине XIX века две программы. Одна из них более-менее гербартианская, то есть как бы объяснительная модель, вторая — романтическая модель. Это Карл Густав Карус, человек, начитавшись Гете, строил свои идеи, как нужно изучать психику. Ее следует изучать генетически, изучать детские психические задатки, развивать полную форму и так далее. Одна такая дескриптивная, другая объяснительная, то есть с помощью математических формул. Во второй половине XIX века появляется экспериментальная психология Вундта, скорее всего 70-е годы. Дальше начинается вообще потрясающая история, потому что философия, которая в значительной степени является психологической, пытается спасти свою идентичность, поскольку появилась дисциплина, которая экспериментально этим и занимается. То есть там задачи усложняются. То есть теперь нужно отмежеваться от экспериментальной психологии, которая претендует на подлинное звание науки психологии, отбрасывая спекуляции. Как Ланге отметил — психология без души, психе уже нет. Из этой программы психологизма появляется три варианта дескриптивной психологии. Первый вариант — это Brentano'sкая психология, «психология с эмпирической точки зрения». Второй вариант — это Dilthey'sкая описательная психология и, наконец, третий вариант, из которого в конечном итоге появляется феноменология — это дескриптивная психология Husserl'a, который наследует с одной стороны Brentano, с другой стороны надо учитывать ту критику, которую обрушивают психологи-экспериментаторы на Dilthey'a. Обращаю ваше внимание на то, что из этого психологизма, из этого размежевания, из вариантов дескриптивной психологии у нас появляется уже феноменология и появляется Dilthey, довольно сложная программа, связанная с философской герменевтикой и вообще с методологией гуманитарного знания. Я считаю, что этот сюжет наиболее сложен, наиболее продуктивен с точки зрения рассмотрения становления современного философского знания. Почему? В частности возникает вопрос, почему основные философские направления XX века являются антипсихологистскими, а Wittgenstein в своем Логико-философском трактате пишет: «Психология имеет такое же отношение к философии, как и физика». Откройте Heidegger'a, откройте Popper'a, вы везде увидите — антипсихологистская программа. Антипсихологизм становится общим местом. Почему, как так случилось, что гигантские наработки XIX века были прекращены? Там есть такой сюжет, очень любопытный, 1912 год, кафедра, которую прежде занимал Герман Коген, на нее назначают психолога-экспериментатора — Эриха Иенша. Этот сюжет вызывает появление очень большого заявления, оно было опубликовано во всех философских журналах и газетах, подписанное 117-ю философами из немецкоязычного ряда, где говорилось, что психология и философия — это разные дисциплины и ни в коем случае их нельзя смешивать. Психологов не нужно назначать на кафедру философов, а делать для них отдельную кафедру. Это такой маленький сюжет, ко-

торый показывает, какой институциональный конфликт фатальным образом оказал влияние на историю философии XX века. Этот антипсихологизм — это конфликт, связанный с чисто институциональным конфликтом университетских кафедр.

Следующий сюжет, который я обещал, это философия как методология гуманитарного знания. В собственном смысле главная фигура, которую в самом начале назвали, это Дильтей с его идеей критики исторического разума. Дильтей, безусловно, воспринял в себя целый набор мейнстримных течений XIX века — это и психологизм, и уверенность в том, что философия должна опираться на достижения других научных дисциплин и так далее. Дело в том, что до этого мы не знаем ни одной дискуссии по специфике гуманитарного знания. Дискуссии по специфике гуманитарного знания все возникают только в XIX веке. Кто является персонажем, который наиболее четко сформулировал этот вопрос и в связи с чем? Таким персонажем, на мой взгляд, является Иоганн Густав Дройзен и его фундаментальная работа по методологии исторического познания — это «Очерк историки», *Grundriss der Historik*. Кто такой Дройзен? Дройзен — это представитель немецкой исторической школы, той школы, которая конституируется через полемику с Гегелем. Главный текст, который показывает конституированность исторической школы — это лекция Леопольда фон Ранке к баварскому королю Максимилиану, там как раз его знаменитая формула: «Все народы находятся в равных отношениях к Богу. Нельзя делать народ жертвой какой-то системы» и так далее. Вообще немецкая историческая школа — важнейший эпизод с точки зрения формирования современного гуманитарного знания по целому ряду причин. Родается историческая школа права Карла фон Савиньи, и все, что противоположно естественному праву. Родается идея исследования народного языка, народного фольклора, собирания сказок и прочее, прочее, та гигантская работа, которую делают братья Гримм. Но кроме того рождается совершенно особый подход к истории, который Ранке формулирует очень простым образом: историк должен описывать факты так, как они происходили. Очень любопытно, что в немецкой исторической школе, несмотря на мощную содержательную работу, нет методологических трудов. И такого рода методологический труд дает только не самый старший представитель — Иоганн Густав Дройзен — это автор учебника истории эллинизма, который до сих пор все читают — лучшего с тех пор не написано. Дройзен действительно предпринимает рефлексию методологии исторического знания, потому что выходит очень важная работа — выходит книга Бокля «История цивилизации в Англии», где Бокль говорит: я буду исследовать историю народа, историю британской цивилизации исключительно позитивистски, основываясь на статистических данных. И в ответ на это возникает проблематика специфики методологии гуманитарного знания как такового. Дройзен по «Историке» развивает те идеи, которые затем встречаем в более разработанном, в более утонченном виде у Дильтея. В первую очередь это идея герменевти-

ности исторического знания. В истории мы познаем, что создано человеком. Это отличает историческое познание от естественнонаучного познания. В этом смысле метод познания должен точно различаться, он не может быть статистическим или естественнонаучным, поскольку мы имеем дело с тем, что создано людьми. А основная формула этого познания четко формулируется Дройзеном в 50–60-е годы XIX века — это герменевтический круг, то есть часть познается из целого, а целое из части и появляется знаменитая формула, которую затем воспроизводит Дильтей — это выражение, переживание, понимание. Обращаю внимание, что вот эта методологическая проблема рождается из нужд исторической школы спустя непродолжительное время. То есть у Дильтея мы фактически получаем гигантскую программу, связанную с тем, что Дильтей называет критикой исторического разума. Все свои философские наработки Дильтей концентрирует на вопросах методологии гуманитарного познания. Его проект дескриптивной психологии — это один из эпизодов обоснования совершенно особой основной методологии *Geisteswissenschaften*, то есть наук о духе. Напомню происхождение этого термина — я специально исследовал вопрос, в немецком языке он появляется в 40-е годы у гегельянцев, но дискуссионный характер он приобретает после перевода на немецкий язык работы Джона Стюарта Милля «Система логики», где у Милля есть глава, посвященная *moral sciences*, которая была переведена на немецкий как *Geisteswissenschaften*. Там Милль и говорит, что у *Moral Sciences* нет методологической специфики — мы должны их исследовать так же... там те же методы, как и в других науках, правда, есть специфическая трудность предмета, потому что это социальные отношения очень сложные, очень комплексные. Мы не можем их изолировать, но методика та же самая. Обращаю ваше внимание, что те дискуссии, которые ведутся вплоть до XX века, с неопозитивистами очередная волна этих дискуссий, когда Гемпель и Оппенгейм говорят: что вы говорите про специфику гуманитарного знания, та же самая номологически-дедуктивная модель. Вся эта история тянется с середины XIX века. Там впервые возникает позитивистская программа как программа единой науки и в ответ на нее появляется сочинение Дройзена, затем Дильтея, тех философов, которые разворачивают как философию — просто они превращают ее в форму аргументации специфики гуманитарного познания. Речь идет о чем? Еще раз повторюсь, что это университетская философия. Речь идет о научном статусе гуманитарного познания: одни говорят, что эти дисциплины будут научными, когда они будут действовать позитивистски, то есть исходя из единой методологии. Другие философы говорят: нет, это науки, но науки, которые имеют свой особый метод. Обращаю внимание, что эта формула входит в плоть и кровь феноменологии, потому что там есть формула *Sachselbst*, то есть мы должны исходить из самой вещи, то есть вещь определяет методику нашего познания. У феноменологии отдельная дискуссия, она дискутирует с неокантианством, с конструктивной деятельностью, а на самом деле это часть дискуссии между позитивистской идеей *Unifying*,

единой, универсальной Science, единой науки и представлением о том, что гуманитарное познание имеет свою собственную специфику. Это тот образец действия науки, который до сих пор существует. То есть многие ученые, если вы посмотрите... даже современная диссертация этой теме подчинена.

И, наконец, еще один сюжет, который я хотел затронуть — философия как история философии. Напомню, что несколько лет назад, лет 10 назад самый заслуженный философ Советского Союза ныне здравствующий академик Теодор Ильич Ойзерман выпустил книжку с таким названием... после того, как диамат и истмат закончился, самый великий диаматчик и истматчик выпустил книгу «Философия как история философии». Я скажу, почему меня этот период интересует. Мы сейчас с вами в постсоветский период переживаем структурно ситуацию очень похожую, то есть у нас скovyрнулаcь систематическая философия, бывшая великая, идет поиск тех форм, в которые следует философию отлить. Ситуация, когда на нас свалился набор возможностей самых разных, но в главном здесь является что: кризис самоидентичности и попытка выхода из него. Теодор Ильич — мудрейший человек, он спинным мозгом чувствует, куда нужно плыть, и он сразу придумал эту форму, философия как история философии. Что означает появления философии как истории философии? Тут мы должны тут же вспомнить Тренделенбурга. Тренделенбург помимо логических исследований сделал еще две очень важные вещи: он выпустил первое критическое издание работ Аристотеля — философ может заниматься тем, что брать классика, изучать его тексты как филолог, издавать. Сегодня мы видим, что гигантская часть философской работы профессионально посвящена именно этому изданию классики. Это Мерло-Понти, сидит в архиве Гуссерля, работает-работает, издает свои работы... или Жак Деррида издает трактат Гуссерля «О началах геометрии» со своим предисловием. Я уже не говорю об издателях сочинений Хайдеггера, Витгенштейна и прочее, и прочее. Именно Тренделенбург предложил такого рода способ работы. Конечно, ни Декарту, ни Канту в голову бы не пришло издавать чьи-то сочинения — это с философией не имело ничего общего. Философия как история философии означает, что прошлое имеет значение, поэтому формула Тренделенбурга — назад к Аристотелю, начинает играть роль, то есть мы должны вернуться к истокам. А далее — философия как история философии означает, что происходит филологизация дисциплины. Одна из самых спорных вещей, которая произошла с философией в XIX веке, это, безусловно, ее филологизация, то есть когда люди стали читать тексты. Такой способ действия для Декарта трудно себе представить, и для других европейских философов нельзя себе представить, то есть произошла филологизация дисциплины. То есть считалось, что работая с текстами прошлых авторов можно практиковать философию. Более того, такой способ работы есть философия, и изобретение такого метода работы происходит только в XIX веке. Это связано с процессом филологизации дисципли-

ны, более того, эта филологизация получает институциональное воплощение. Именно Тренделенбург является автором, который вводит в университетскую философию такую форму преподавания как семинар. До этого философских семинаров не было, семинары были только у филологов, у Вольфа. Не у Христиана Вольфа, философа, а у филолога, которого Гумбольдт пригласил и назначил ему самую большую зарплату в Берлинском университете — 3000 талеров в год. Что делали на семинаре? Берут тексты классика и читают. Это тоже происходит в недрах немецкой университетской философии XIX века. В конце 70-х годов появляется программа... — что такое история философии до нашего времени? Есть кантианская история философии, априорная абсолютно, есть гегелевская история философии — это иллюстрация к его системе, затем появляется набор промежуточных историй философии — появляется Убервег. Убервег на самом деле гербартианец. История философии Убервега — это история философии, которая регулярно исправляется и издается до настоящего времени. Последнее издание еще не закончено, то есть это немецкая традиция переделывания учебников. На самом деле история философии Убервега по факту академического признания является самой главной. Она самая объективная.

Д. Мацнев: Ну и фамилия у него такая...

В. Куренной: Убервега никто не помнит, а все знают Куно Фишера, а кто такой Куно Фишер? Очень странная фигура середины XIX века. У него была страшная полемика с Тренделенбургом. Ведь для Тренделенбурга Кант — какой там классик? — это человек с нелепыми воззрениями, вот какой Кант для Тренделенбурга. Куно Фишер вступился за Канта... Что делает Куно Фишер? Он создает современный канон. Вот у него Декарт, Спиноза, Кант, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр — и все. Почему Шопенгауэр? Потому что рождение неокантианства... а Шопенгауэр всю жизнь утверждал, что он самый яркий неокантианец. Тогда как эта немецкая классика — это ерунда и прочее, прочее. Я напоминаю, как рождается неокантианство. Отто Липман издает книгу «Кант и эпигоны». Эпигоны — это немецкие идеалисты. Каждая глава этой работы заканчивается: следовательно, мы должны вернуться к Канту. Это формула на 30 лет позже, нежели формула Тренделенбурга «назад к Аристотелю». Куно Фишер важный человек, но это еще не программа по истории философии, он скорее создает пантеон, канон, а человеком, который первый начинает издавать по истории философии журнал *Archiv für Geschichte der Philosophie*, пишет программную статью и формулирует первую научную программу, как философы должны работать со своей историей — это Эдуард Целлер, до сих пор переиздается его история средневековой философии и даже античной. Человек, который относится к кантианцам, по крайней мере термин «теория познания» знаменитый... это, правда, ложная гипотеза, впервые термин «теория познания» использует Бенিকে. Он является родоначальником и в этом смысле. Ну у Целлера как раз появляется

в 60-е годы книжка о Канте, где в названии как раз есть «теория познания». Вплоть до Рорти считается, что именно Целлер ввел термин «теория познания». Это ошибка, его ввел намного раньше Бенике. Целлер кантианец. А кантианская программа как формулируется? Когда я перечислял эти модели, я забыл про эмпирическую метафизику. Целлер издает в 76 году... выходит первый номер Archiv fur Geschichte der Philosophie. Там программная статья, как исследовать историю философии и почему ее нужно исследовать. Именно там начинает публиковать свои работы Дильс-Кранц... — вся та линия, которую мы рассматриваем как мейнстрим для современной истории философии, это были родоначальники современной истории философского канона. Напомню, к чему это приводит. Приводит к тому, что в начале XX века Гусар пишет: эти историки философии полностью вытеснили всех философов, все это фактически филологи, что-то надо с этим делать, надо с этим бороться. Нас с одной стороны подпирают психологи, с другой стороны филологи, которые занимаются историей философии. Потому что кто такие Дильс-Кранц, если взять источник, который мы до сих пор считаем важнейшим? — это филологи, они собирают эти цитаты, они их обрабатывают, ищут разночтения, они их издают.

А. Романов: Но читать они эти тексты не могут, ни Мёллендорф, ни Целлер, никто... Даже Корнфорд или Тэйлор всерьез Платона-то и не читают. Они разбирали все эти тексты по костям, классифицировали, а в суть их вникнуть им... Может быть, их тогда это не интересовало, но сейчас все над ними смеются.

В. Куренной: Ну не знаю... Как раз Целлер-то и был философом в отличие от Дильса и Кранца...

А. Романов: Неокантианцем да, но не мог он именно поэтому взять Платона... Как неокантианец может взять Платона?

В. Куренной: Я, например, читал с удовольствием Наторпа книжку о Платоне (смеется)... Да, я понимаю, что это не имеет никакого отношения к Платону... Но Наторп все-таки по-настоящему не филолог, он философ. Конечно, он делает с Платоном все что хочет, он делает из него кантианца, но это уже не филология.

Д. Мацнев: А почему у феноменологов Sachselbst, а у Канта и Гегеля Ding используется — Ding an sich, Ding für sich...

В. Куренной: У Гегеля используется Sachselbst, конечно... То, что на русском у Шпета переводится как «суть дела».

Д. Мацнев: Там есть какой-то нюанс в употреблении Sache и Ding.. По-русски переводится и то, и то как «вещь».

В. Куренной: Различие чисто лингвистическое. Sache более абстрактное понятие, а Ding это скорее какая-нибудь вещь конкретная, предмет, тело. Но о Sache можно только рассуждать, как например о любви. Но и у Гегеля встречается это Sachselbst, оно уже у Фихте прекрасно осмысленно. Еще один очень важный момент — эмпирическая метафизика. Пятое из перечисленных выше неудачное направление. Это как бы Целлер, это отчасти Brentano, Wundt, это Эдуард Гартман, как раз автор работы о бессознательном. Идея очень проста, то есть философия не может сама по поводу мира высказываться. Она создает картину мира, опираясь на данные других наук. Это, пожалуй, конкретизированная идея, которая у Тренделенбурга содержалась в не очень ясном зачатке. То есть философия создает картину мира, обобщая данные других наук — поэтому это эмпирическая метафизика. Мы метафизическую картину создаем, опираясь на эмпирические данные других наук. Собственно говоря, гартмановская гигантская книга о бессознательном — это попытка, опираясь на исследования психологов Фехнера, Вундта и прочих представить метафизическую идею бессознательного, конкретизировать шопенгауэровскую мировую волю бессознательную, но представить это как метафизическую конкретную вещь, опираясь на эмпирические данные других наук. Это основной перечень. Дальше придется вернуться назад, узнать, почему все-таки это так происходит. Рамкой всего этого дела является немецкий университет, гумбольдтовская модель университета. Почему для всех этих направлений... сейчас любят хихикать люди, которые вырвались из этих советских тисков, что философия — это не наука, а Гуссерль как-будто такой наивный, Philosophie als strenge Wissenschaft... Философия для всех должна стать строгой наукой. Иначе, если не хочешь вот как Ницше, живи, паси львов как Заратустра, бегай по снегу босиком. В университете философия как строгая наука. Зарплату тебе платят за то, что ты ученый. Поэтому они все стремятся создать философию как строгую науку.

Д. Мацнев: А в других странах так же было? Во французских, английских университетах?

В. Куренной: Ну тут... Давайте зададим очень простой вопрос — кого мы вспоминаем в Британии XIX века? Джон Стюарт Милль... Кто он такой? Чиновник, менеджер Остиндской компании.

А. Беляев: А шотландское Просвещение?

В. Куренной: Раньше, раньше... какое там Просвещение в XIX веке... Только в конце века у нас там МакТаггард и Брэдли, те, с кем Рассел дискутирует. Кто они? Они гегельянцы, просто позавчерашние люди. Понятно, что для русской философии единственно значимой является немецкая. Ну а в американской кто там в XIX веке? Во Франции там тоже психологизм... Мы знаем Конта... и дальше идет Бергсон. Там психологисты в большом количестве, позитивисты... спиритуалист Мен де Беран...

С. Мазур: А среди русских философов?

В. Куренной: Это отдельный вопрос... Можно вспомнить. Но почему этот период крайне интересен? Рорти это понял. У него в «Философии как зеркале природы» есть такая... Понимаете, современная аналитическая философия — это просто вариант неокантианства. Почему вариант неокантианства? Потому что аналитические философы размышляют по поводу методологии других наук. Они помогают разъяснить и целостным образом представить то, как работают другие науки. Эта та идея, которую ложно относят к неокантианству, но которая была предложена Тренделенбургом. То есть современная философия рождается в послегегелевской дискуссии, очень жестко. И речь там идет о том, что философия должна быть строго научной. Я хотел сказать о гумбольдтовской модели, про институциональные рамки. Я напому, что Гумбольдт пишет в учреждающих документах. Кто в университете может находиться? В университете люди собираются для того, чтобы заниматься наукой. Наука никогда не является законченным предприятием, она всегда находится в развитии. Обратите внимание, чему это противоречит? Это противоречит любой системе немецкого абсолютного индивидуализма, потому что все они претендуют на законченность. Как только возникает подозрение, что вы практикуете тип знания, который не может быть продолжен, это означает, что вы не занимаетесь наукой согласно институциональной норме гумбольдтовского университета. Там в учредительных документах записано: наука никогда не может быть завершена. Если вы говорите: вот система, тут философия закончилась, все, до свидания, это не наука. Это учредительный документ, текст на три странички, план Гумбольдта о высших научных учреждениях в Берлине, это главный документ, который лежит в основании учреждения Берлинского университета в 1910 году. В университет собираются для того, чтобы заниматься наукой, наука никогда не может быть завершена, наука требует взаимодействия ученых между собой. То есть вы не можете породить как Гегель систему и сказать, вот это вся наука, то есть вы просто противоречите учредительному документу. И поэтому с точки зрения людей, работающих в немецком университете и занимающихся наукой, любая попытка сказать, что я построил систему, уже выглядит подозрительно. А сказать, что это все абсолютное знание, это означало дискредитировать себя. Поэтому с тех пор системной философии просто нет. И когда Гуссерль в 1911 году говорит, что мы будем строить философию как науку, но вовсе не иметь в виду, что это система, которая как готовая выходит как Афина Паллада из головы Зевса, он просто повторяет университетскую норму. Такого рода философия как система не является наукой. И когда он пишет, что мы создадим философию как науку, только работая на протяжении многих поколений — он воспроизводит эту норму, что научное знание должно передаваться, оно является плодом совместных усилий, передающихся из поколений в поколение. То есть если конструкция философского знания не соответствует этим требованиям, то в таком случае она

себя дезавуирует, она должна быть выведена за пределы институции, она не может быть профессиональной. В этом смысле кружок Штефана Георге — это абсолютно непрофессиональная философия, просто городские интеллигенты. Это прекрасно понимал Маннгейм.

Д. Мацнев: А может это хорошо, что такая философия не имеет отношения к философии университетской? Мне кажется, что в какой-то момент после Гегеля философия перестала претендовать на истину. А то, что потом стало профессиональной философией, даже на уровне деклараций отказалась от претензий на истину. Объявила себя служанкой научного знания, ею же, то есть философией, на мой взгляд, и порожденного. Поэтому быть философом во времена Георге означает в первую очередь не быть профессиональным философом. И поэтому философия поселилась в поэзии, в изобразительном искусстве, у фриков вроде Георге... Это такое вот мое предположение.

В. Куренной: Я бы сказал, что вы правы... Можно быть философом, то есть задавать те вопросы, которые задавали до Гегеля и включая Гегеля и пытаться практиковать этот тип философии, но это означает быть несовременным философом. Мы ведь живем в такой одновременности не одновременного, поэтому могут здесь быть разные формы. Но современная философия, как мы видим ее на сегодняшних кафедрах, она пытается отвечать на разные вопросы о мире, о человеке, о чем угодно, о природе познания, о бытии, но делает это с применением существенно иных инструментов, существенно ограничивая себя в претензиях на Истину с большой буквы. Действительно, в рамках университета невозможно практиковать такого рода амбиции, которые были свойственны философии раньше.

С. Мазур: Скажите, а что случилось все-таки с этими программами и направлениями? Философия как теория науки осталась?

В. Куренной: Да, конечно... Наш по крайней мере российский образовательный стандарт оставил философию для других дисциплин. У аспирантов был изъят курс философии, но остался курс истории и теории науки.

С. Мазур: Как история философии тоже существует? Что еще осталось? Методология гуманитарного знания? А новые направления?

В. Куренной: Я очень пунктирно затронул несколько направлений, как они вышли из психологизма. То есть вышла феноменология из психологизма как одна из разновидностей дескриптивной психологии изначально. Затем Гуссерль предпринимает целый ряд очистительных актов — чтобы очистить феноменологию от психологии, и мы получаем трансцендентальную феноменологию. Она вырастает из психологии и никогда от этой связи она не может оторваться, плюс у нас из дискуссии о гуманитар-

ном знании появляется философская герменевтика, потому что философская герменевтика не существует как учение о чем-то. Это некоторый метод, который делает акцент на специфике гуманитарного знания, на его незавершенности. Это методология, если мы посмотрим на трактаты и Хайдеггера, и Гадамера, и Дильтея, и Рикера, то мы увидим, что это в основном трактаты о методе. Методология вырастает из дройзеновской традиции, из рефлексии о специфике гуманитарного познания. То есть обычно как тянут историю философской герменевтики? Что есть техническая дисциплина примерно до XVIII века, потом появляется Вольф, Шлейермахер, потом.. что мы понимаем автора лучше чем он сам себя, потом Дильтей, потом Гадамер. Как Гадамер описывает эту историю? Он изначально, априори хочет, чтобы герменевтика была освобождением от психологизма. На самом деле это не так. Дильтей даже в своей последней работе, в *Der Aufbau der geschichtlichen Methode in den Geisteswissenschaften* отвел совершенно определенное место психологии, никак не отказывает идее описательной психологии. А Гадамеру важно показать, что происходила такая депсихологизация в философской герменевтике. Но в действительности это все-таки дискуссия о методе исторического познания, о методе понимания авторов.

Д. Мацнев: А может стоит дополнить эти пять пунктов — философия как теория науки, философия как история философии, методология гуманитарного знания, психологизм, эмпирическая метафизика, — тем чем мы сейчас занимаемся, философия как размышление о философии. Вот у Пятигорского Александра Моисеевича это один из основных предметов его размышления...

В. Куренной: Пятигорский это типичная непрофессиональная философия...

Д. Мацнев: Но ведь и мы сейчас говорим о философии как размышлении о философии...

В. Куренной: Я все-таки не размышляю о природе философии, я излагаю в форме вольной беседы мою реконструкцию, которая отвечает некоторым требованиям, опирается на исторические факты, она не претендует на безусловную истинность, потому что ее формируют гипотезы. Кроме того я учитываю некоторые междисциплинарные аспекты, а именно институциональную рамку, нормы гумбольдтовского университета. Нет, я не думаю, что я тут размышляю о сущности философского мышления, я рассказываю историю, как появилась профессиональная философия такой, такой она получилась.

С. Мазур: Скажите, а что случилось с неокантианцами? Такое впечатление, что с приходом Гитлера к власти они исчезают из университетов...

В. Куренной: Что такое неокантианцы? Неокантианцы это определенная модификация теории науки, потому что основная формула марбургского неокантианства,

давайте посмотрим, к чему она приводит. Вот чем Кассирер занимается? Он занимается тем, чем Кун занимается в другой форме. Это и есть история или теория науки. Затем он переходит к размышлениям о методологических проблемах гуманитарного знания, отсюда его идея философии символических форм, определенно новая методология познания человеческой культуры. Какова идея Наторпа? Что означает трансцендентальный метод? Они же не пытаются что-то изобретать... Мы берем науку, математику, например, и смотрим, как базовые принципы математического знания выводятся из более элементарных начал. То есть в этом эксплицируем условия возможности. Кроме того, как только какая-нибудь дисциплина, которую мы не трогаем по сути, включена в повествование о систематической связанности условий возможности, мы некоторым дополнительным образом удостоверяем значимость этого знания. По сути говоря эта рефлексия не получила развития. Получила развитие... это нужно смотреть, как неокантианство трансформировалось через Морица Шлика. То есть неокантианцы классические рефлексировали, пытались строить теорию науки, хотя очень специфическим образом. Они были люди университетские, кроме того они были евреи, это очень важный фактор, плюс они были очень сильно социально ангажированы, они же были социалисты. Коген даже приезжал в Россию и учреждал тут союз меча и орала еврейского. Но к вопросу «что осталось»... Что в XX веке мы имеем? Мы имеем аналитическую философию, феноменологию и философскую герменевтику. Плюс рефлексия в метафизическом смысле сохраняется только в религиозной философии. То есть то, о чем вы говорите, то есть по-настоящему мыслить и прочее — это религиозная философия, конечно.

Д. Мацнев: Нет, я говорю об истине... Вот как философы отвечают на такой простой вопрос: истина есть или нет? Абсолютная истина, естественно, не частная...

В. Куренной: Я скорее сторонник дефлюционистской концепции истины и полагаю, что вы сейчас просто неправильно используете слово «истина». Дефлюционистская концепция на мой взгляд достаточно мощная и сразу прекращает подобные разговоры. Это Готлиб Фреге, и на сегодняшний день это пожалуй самая авторитетная концепция истинности в профессиональной американской аналитической среде...

Д. Мацнев: Видите, «концепция истинности»... Вот что я хочу сказать...

В. Куренной: Когда вы мне задали этот вопрос, вы совершили языковую ошибку...

А. Романов: Но с точки зрения аналитической философии, а давайте посмотрим на ее основания...

В. Куренной: Тут имеется в виду, что нельзя так поставить вопрос — «существует ли истина». Слово «ис-

тина» используется только в ряде контекстов, но не в этом...

Д. Мацнев: Вот смотрите... Мы несколько лет назад с Сергеем ездили к о. Виктору, это у нас достаточно известный православный священник, и он объяснил одну важную для меня вещь... Мы говорили... о чем можно говорить со священником? О Боге. И я как-то сказал «идея Бога». Он совершенно взорвался и говорит: «Бог не есть идея, это реальное живое существо». И вот тут проходит водораздел: Бог как идея — это интеллигентские штучки про единого Бога, про многих богов, а Бог как реальное живое существо — тут начинается верующий человек и вообще начинается вера, а до этого всякие интеллигентские штучки. И вот, на мой взгляд, то же и в философии — истина конечно абсолютна, и не какая-то там идея истины, а вот истина, она либо есть, либо истина одна из идей, и у истины есть много разных концепций. Так и у Бога есть много концепций, в том числе и правомерность употребления слова «Бог». Но вот тут сама интенциональность сознания, сама направленность сознания, она совершенно разная, два разных человека, два разных мира...

В. Куренной: (перебивает и кричит) Нет, нет. Здесь я не согласен!

Д. Мацнев: В первом мире Бог есть живой и Он есть истина. Во втором мире есть идеи Бога, их много, и много разных идей истины, соответственно и много разных университетов, которые обо всем этом говорят...

В. Куренной: Когда я говорю, что считаю ваше употребление слова «истина» неправильно, я готов тут, поверьте мне, биться...

А. Романов: До костра инквизиции...

В. Куренной: До костра инквизиции. Я вас уверяю, что за этим стоят не менее серьезные мотивы, желание «жить по средствам» в философском смысле... вот не разбрасываться такими словами направо и налево. А я знаю, что история постановки этого вопроса, вся чудовищно сложная история развития философской мысли показала, что она неправильна. Она непродуктивна, она ведет к тому, что люди занимаются черт-те чем, это все равно, что читать размышления Бердяева о свободе и об истине... просто непродуктивно. В философском смысле от этого надо отказываться, надо заниматься другими вещами. Лучше разобраться с историческими типами концепций истин и попытаться выбрать одну из них. Я могу сказать, что есть такие, такие и такие, и за некоторых из них я готов держаться...

А. Романов: А чем вам не угодил Николай Александрович Бердяев? Ведь он тоже до костра инквизиции готов был сражаться? А Флоренский так и досражался...

В. Куренной: Вот-вот! Продуктивность она тут вот

в чем... Она в каких-то вопросах... в аналитическом вопросе об истине... продуктивность в том, что не нужно заниматься вещами, которые не дают нам никакого различия в поведении, не нужно заниматься вещами, которые не дают нам двигаться к каким-то другим вещам...

А. Романов: Различие, движение к другим вещам... Еще что такое продуктивность?

В. Куренной: А просто экономить силы...

А. Романов: Ну это уже личный опыт...

В. Куренной: Нет, это не личный опыт, существуют целые периоды, когда люди занимаются созданием вещей, которые потом никому не нужны.

А. Романов: А что это значит «кому-то нужны»? Платон кому нужен? Никому он не нужен, разве что немцам, которые придумали историю философии. Что бы они делали без Платона?

В. Куренной: Платон создал институт, который просуществовал 900 лет...

А. Романов: Не могу с этим согласиться, потому что институт в понимании Платона совсем не то, что мы можем сейчас называть этим же словом.

В. Куренной: А почему? Он создал структуру, которая просуществовала 1000 лет, с 385 по 529 год с небольшим перерывом на римскую оккупацию. Только благодаря этому о нас дошел корпус текстов Платона. Если бы не было этого института, мы не имели бы возможности говорить о Платоне. Как нет людей, занимающихся философией Фалеса...

А. Романов: Так у него и текстов-то не было. А аристотелевские тексты, несмотря на то, что института не было, все-таки дошли.

В. Куренной: Все-таки был Лицей, это первое, во-вторых, тексты Аристотеля дошли до нас во много худшем виде, это все-таки просто конспекты лекций. А вот тексты Платона в полном виде, и Платон является великим философом в первую очередь потому, что мы имеем великий корпус его текстов, а великий корпус его текстов мы имеем потому, что институт, который он создал, просуществовал 900 лет. Он по своей длительности превышает существование и Российского, и Латвийского государства...

С. Мазур: У меня два мелких вопроса, но очень хотелось бы их задать... Когда я читал некоторые фрагменты их Макса Вебера, Рикера, их высказывания по отношению к предшествующей философии, у меня возникло впечатление, что они не читали и не понимали ни Канта и ни Гегеля. Как вы думаете, это ошибочное впечатление?

Это высказывание Рикера по поводу философии создало у меня отчетливое впечатление, что они не читали Канта и Гегеля. Даже идеальные типы у Макса Вебера... у меня такое впечатление, когда я читал его рассуждения, что он точно по крайней мере не ориентировался в тех дискуссиях, которые вели неокантианцы.

В. Куренной: Конечно, он не очень ориентировался. Он ориентировался скорее на Риккерта, так как тот преподавал ему все это. Совершенно точно, что он не читал Гегеля, в то время это барахло никому не было нужно. То есть неогегельянство... Это Дильтей издает, открывает раннего Гегеля, это очень постепенно...

С. Мазур: То есть это правильное впечатление?

В. Куренной: Совершенно правильное, Гегеля он не читал, конечно. Вот насчет Канта я не уверен. Тут вот еще какая проблема, почему у вас могло сложиться такое впечатление, потому что Гегеля каждый читатель понимает очень по-своему. Это настолько непрозрачный текст... И чем он плох? Все рассуждения об истине с большой буквы, и очень трудно придти к какому-то консенсусу, что вообще человек сказал. Мы можем спорить по поводу каждого второго предложения, и мы не достигнем... Что уж там Рикер мог... С Кантом немножко попроще, потому что есть полтора столетия интерпретаторской традиции, которая более или менее какие-то вещи в нормативном порядке утвердила. То есть если мы поняли Канта, что тот отрицает вещь саму по себе, то мы просто неправильно прочли Канта, есть такой профессиональный запрет. А с Гегелем... но я думаю, что если бы Рикер прочитал что-нибудь из вашего о Гегеле, он бы тоже сказал, что ничего не понял.

С. Мазур: Как из Гербарта могла получиться педагогика?

В. Куренной: Очень просто, это вопрос об абсолютности. Дело в том, что Кант, а затем и Фихте, они философы абсолютной свободы. То есть в чем величайшая заслуга Канта? Он действительно осевой философ. Он оторвал свободу в абсолютном смысле, который не снился предшествующим мыслителям. То есть человек всегда свободен, то есть он в принципе не включен в детерминированные порядки. Я напомним, как Фихте познакомился с Кантом. Его просили подготовить к экзамену, и он прочитал «Критику практического разума» за одну ночь, это было самое сильное переживание в его жизни и на всю жизнь. Эта работа перевернула его жизнь, тот, кто ее понимает, тот... Гейне писал, что Робеспьер по сравнению с Кантом просто мальчик из детской, балующийся гильотинкой. Надо понимать, что сделал Кант. Это действительно удивительная вещь, эта философия свободы, удивительно достоинство человека, которое Кант связывает с этим... Но дело в том, что эта философия свободы диктует совершенно специфическое представление о морали. Поскольку человек свободен всегда, он всегда

может стать моральным. Это первый момент. А второй момент, что никакое влияние внешнего мира не может заставить его быть более моральным или менее моральным, понимаете? Коль скоро человек свободен всегда, его нельзя побудить быть более моральным или менее моральным, потому что он всегда свободен, всегда автономен, всегда может совершить акт морального действия. А почему отсюда рождается гербартовская педагогика? Герbart говорит: ни одно дуновение трансцендентальной свободы не проникнет в ту сферу, которую я называю педагогикой. Герbart понял одну очень простую вещь — так бессмысленно воспитывать детей. Если вы говорите, что человек всегда свободен, то нелепо стараться, чтобы ребенок вел себя хорошо. Из антитезы Канту Герbart формирует целый идеал педагогики, научной педагогики целенаправленного каузального воздействия на человека, и там полностью уничтожена вот эта абсолютная свобода. Ни одного дуновения не может быть... Мы должны рассматривать ребенка как предмет, на который мы можем воздействовать, мы должны изучать механизмы этого воздействия...

Д. Мацнев: То есть Герbart говорит, что человек не может быть свободным, и потому нужно воспитание...

В. Куренной: Да, да... Только поэтому может быть педагогика как научная дисциплина.

Д. Мацнев: А вот идея свободы у Канта... В чем его новизна по сравнению со старой христианской идеей о свободе воли? У человека есть выбор...

В. Куренной: Ну нет, всегда есть страсти...

Д. Мацнев: Но всегда есть свобода их обуздать...

В. Куренной: Нет-нет... Во-первых, просто так нельзя обуздать, есть специальное учение о благодати, то есть без помощи благодати ничего не обуздаете, а если думаете, что обуздаете, то это гордыня. Христианская антропология в этом смысле очень сложная, там все не так просто, там человек скорее некая игрушка в руках неких сил, и только через любовь к Богу... Бог может посредством благодати избавить от греха... Конечно, христианство все это подготавливает, но вот Сартр — это как бы просто легкая иллюстрация к открытию Канта, Фихте с его «я». Это кантовское открытие современного человека, способного на все. Христианство не знает и того уровня морализма, который знает современный мир, если взять де Сада и прочих в попытках дойти до предела. То есть я соглашусь с тем, что без христианства это невозможно, но в христианстве есть масса таких антропологических ограничений, которые не позволяют говорить об абсолютной свободе. Потому что и само христианство в этом смысле сильно зависимо от платонизма, от платоновской концепции души... там есть еще такая криптометафизика эллинистического типа.

Д. Мацнев: Это христианство понятое как концепция. А христианство понятое как вера в живого Бога, у него таких проблем нет.

В. Куренной: Я понимаю то, как вы разговаривали со священником, но философ имеет право говорить обо всем. И он единственный человек, который имеет право обо всем говорить как об идее, и говорить о многих концепциях истины, и говорить о многих идеях Бога... то есть как раз философ имеет право не подписываться под этим живым Богом, он имеет право об этом рассуждать.

С. Мазур: А разве есть в каком-нибудь Евангелии «живой Бог»? Или в Посланиях где? «Живой Бог» — это достаточно позднее высказывание...

А. Беляев: В чем заключается специфика критики как жанра по сравнению с гегелевской и традиционной философией?

В. Куренной: У Маркса это имеет значение в первую очередь как критика идеологии, то есть разоблачения ложного сознания, но это разоблачение не в просвещенческом смысле, потому что разоблачение ложного сознания это и Бэкон с его идолами, это и программа французских идеологов относительно новой образовательной программы... Это критика ложного сознания исходя из определенной ангажированной политической позиции. Университетская философия время от времени предпринимает попытки себя нейтрализовать, то есть вывести политический элемент за границы университета. Классическим выразителем такой программы считается Макс Вебер, его работа *Wissenschaften Beruf*, где он говорит, что в университете мы не занимаемся идеологией, мы не занимаемся мировоззрением. Но это далеко не первый случай... Я могу проследить историю нейтрализации университетского знания от политической составляющей начиная сразу после Гегеля, потому что именно Гегель и был уличен в политической ангажированности. Это Фридрих Вильгельм IV призвал Шеллинга вырывать драконовские зубы гегельянства.

А. Беляев: Когда я думаю об американском или о канадском университете, кафедра философии там в основном аналитическая, а не континентальная, и если вы хотите читать Гегеля, его читать лучше не на кафедре философии, а на какой-нибудь другой. Но там они себя называют не философами, а, например, социальными теоретиками, политическими теоретиками, критическими теоретиками — *Social Theory, Political Theory, Critical Theory*... Вот взаимоотношения философии, теории и критики, и если мы говорим о социальной теории, то чем она отличается от профессиональной философии? В американских, канадских и британских университетах социальная теория не относится к кафедре философии.

В. Куренной: Вы говорите о кафедрах филологии и литературоведения?

А. Беляев: Это *Cultural Studies*, социологии, вообще какой-нибудь истории...

В. Куренной: Почему аналитические философы отстраняются от той ерунды, которая процветает на литературных факультетах, от критики, от политической ангажированности. Когда brave евреи из Венского кружка толпой посыпались в Соединенные Штаты... вы знаете, кто они были? Эти родоначальники аналитической философии были страшными социалистами. Я вам напомню, что такой замечательный автор, как Отто Нейрат, приезжал в Москву в 30-е годы и занимался политической рекламой, то есть он был буквально ангажирован чуть ли не делать пятилетку... Я не говорю уже о том, что и Витгенштейн хотел эмигрировать в Советский Союз... Он очень хотел в Казани преподавать, где Лев Толстой был, но ему сказали — либо в Москве, либо не поедешь... И что происходит, когда эти замечательные философы-социалисты приезжают в Соединенные Штаты? Первое время они пытаются проявлять активность, но затем в Соединенных Штатах наступает пора под названием маккартизм. Это означает, что любая политическая ангажированность философа грозит как минимум лишением профессиональной позиции, а как максимум еще худшими вещами. И тогда Виллард Орман Куайн говорит: «*We are all scientists here!*», мы все здесь ученые, мы такой ерундой как политика не занимаемся. Поэтому в рамках аналитической философии происходит очень жесткая идеологическая кастрация всего движения. Они просто перестают быть ангажированными критиками. Они все становятся логиками. А потом холодная война заканчивается, потепление отношений, и филологи режутся, ну что тут сказать... Поэтому аналитическая философия выходит из этого ледникового периода холодной войны очень деидеологизированной, то есть это не от хорошей жизни, а от плохой жизни в том числе и в Соединенных Штатах. Нужно понимать, в каких обстоятельствах они уехали из Европы, это очень тяжелая история, поэтому нет ничего удивительного, что они предпочитают называть себя теоретиками и вовсе может быть не философами. Тут я не совсем согласен, что на философских факультетах они называют себя политическими теоретиками...

А. Беляев: Я сказал, что так называют себя люди, которые не преподают на философском...

В. Куренной: В том числе... Но в общих чертах я объяснил, почему философы в Соединенных Штатах являются ценностно нейтральными, потому что они пережили опыт, будучи очень левыми изначально, это очень модернистское направление было... Почему они все великие сциентисты? Потому что они тоже верили, что научно-технический прогресс принесет благо, это очень советская идеология. Но им в Штатах серьезно обломали крылья. Поэтому чего там... мы ученые все здесь, не философы.